

В прошлом на какой-то период времени Моника разучилась понимать человеческую речь.

Когда умер ее отец, девочку забрал к себе дядя, и она каждый день жила в страхе перед ним.

Дядя недолюбливал отца Моники - нет, можно сказать, что он его ненавидел. Всякий раз, когда он плохо отзывался о ее отце, девочка отчаянно пыталась опровергнуть его слова.

- Мой отец ни в чем не виноват, - говорила она.

И каждый раз, когда Моника открывала рот, дядя кидался на нее с кулаками.

- Заткнись. Прекрати нести чушь.

Его кулаки опускались вниз вместе с проклятиями. В худших случаях ее били ногами в живот или стулом. Иногда у нее отбирали еду, что было не редкостью.

Когда сиротка выходила на улицу, люди в городе шептались за ее спиной, говоря о том, какой плохой у нее отец.

Ее разум и тело постепенно изнашивались...

Постепенно Моника обнаружила, что в трудные времена она уходит в мир чисел.

Когда дядя бил ее или когда ее загоняли в сарай посреди зимы, Моника просто повторяла в голове формулы из книг, которые прежде читала в кабинете отца. Так она забывала о боли в теле и холоде зимы.

После некоторого времени, проведенного в мире чисел, восприятие Моники стало искажаться.

Сначала она перестала различать лица людей.

Размер глаз, ширина каждого глаза, угол наклона уголков глаз, длина, ширина и высота носа, угол подбородка... она узнавала их в расчётах, но не могла узнать в них человеческое лицо. Для Моники лицо человека было ничем иным, как массой цифр.

В итоге, закончилось тем, что она больше перестала распознавать человеческие выражения.

Когда ее дядя сердился, его брови двигались так сильно, его рот широко открывался, угол рта менялся на столько-то градусов, его брови двигались столько-то раз за три секунды - все эмоции преобразовывались в числа.

Однако Моника не могла распознать "гнев", который выражало лицо ее дяди. Все, что она понимала, это количество движений частей его лица.

Дядя ударил ногой по столу, и стол сдвинулся на столько-то, значит, столько-то сил нужно, чтобы сдвинуться... и так далее, ее ум начинал вычислять числа.

Но Моника не могла понять, почему ее дядя пнул стол?

Все, что девочка понимала, это числовое значение силы, необходимой для удара ногой по столу.

Дальше было хуже... она перестала распознать человеческую речь.

С одной стороны, Моника понимала, что говорит дядя, но ее разум не воспринимал смысл его слов. Поскольку она не могла понять, о чем идет речь, Моника объединила количество звуков в математическое уравнение, вычислив его.

Когда дядя увидел, что Моника бормочет цифры, он пнул ее, сказав, что она жуткая.

Не понимая, что ей сказали, девочка подсчитала, сколько секунд потребуется, чтобы кровь из носа свернулась.

И вот, когда прошел год с тех пор, как дядя взял ее к себе, Моника стала настолько нелюдимой, что не могла распознать ничего, кроме цифр. Она полностью погрузилась в мир красивых формул, которые никогда не причиняли ей боли, отвернувшись от реальности.

Ее тело выросло до такой степени, что едва могло выжить, и ее изначально худое тело стало тонким, как палка.

Видя плачевную ситуацию ей протянула руку помощи одна женщина. Это была Хильда Эверетт, женщина лет тридцати в очках с короткими русыми волосами, которая раньше была помощницей ее отца.

- Я искала тебя с тех пор, как умер доктор Рейн, - сказала Хильда спокойным голосом, накрывая Монику своим шарфом, замерзающую после того, как ее выгнал из дома дядя.

Но девочка не могла воспринимать её слова. Все, что она понимала, - это цифры.

Когда она пробормотала точное количество букв и слов, которые услышала, и применила их к уравнению, Хильда мягко улыбнулась и погладила Монику по щеке.

- Значит, доктор Рейн научил тебя формулам... и в твоём возрасте ты уже так хорошо разбираешься в них.

Она не ответила, отрешённо глядя на неё.

- Ты не заслуживаешь того, чтобы быть здесь. Пойдем со мной, Моника.

Моника?

«Когда в последний раз кто-то называл меня по имени?» - удивилась она. Ведь дядя никогда не называл ее по имени, используя такие обращения как "дрянь" или "тупица".

Она уже давно не слышала имени своего отца, поскольку все относились к нему как к табу, которое нельзя произносить.

Ее собственное имя... имя ее отца, вывело сознание Моники, блуждавшее в мире чисел, на поверхность.

- Мое имя... имя, которое дал мне отец... Моника Рейн.

Хильда обняла ушибленную и избитую Монику, выглядевшую так, будто она вот-вот расплачется.

- Доктор Рейн огорчился бы, увидев тебя такой.

- Папа... Папа... Папа...

Этот человек, стоявший сейчас рядом с ней, не бил и не пинал ее, когда она произносила слово "папа". Она тоже оплакивала смерть её отца и ласково обнимала Монику. Это принесло ей столько счастья.

- Мой папа не ошибался... мой папа был... мой папа был...

- Я знаю. Доктор Рейн был выдающимся человеком.

- Моего отца сожгли... и все его исследования... все они...

Когда тело Моники задрожало, руки Хильды крепко обхватили ее. Одного этого было достаточно, чтобы понять, насколько женщина опечалена смертью отца девочки.

- А-а-а-а.... Да-а-а-а... - Моника впервые за долгое время заплакала вслух в объятиях Хильды.

Эта сцена была похожа на хныканье маленького ребенка.

На следующий день Моника стала приемной дочерью Хильды Эверетт, научного сотрудника Института магии, которая позже обнаружила у нее талант к магии и отправила ее в Институт подготовки магов «Минервы».

А эта история произошла около пяти лет назад, когда Монике было еще двенадцать лет... и глубоко уснув, после разборок с Кохоновым пламенем, ведьмочка вновь видела во сне своё печальное прошлое...

<http://tl.rulate.ru/book/55474/1730160>